КАРАДАГ

Где кончается поселок – начинается гора
Мимо кладбища проселок,
черносливы у двора...

Бродят куры по иссохшей
в порах-трещинах земле;
спит ковыль в степи оглохшей
в знойной и косматой мгле.

Во дворах стирают, варят,
с крыш змеится виноград...
Осень по местам расставит,
кто был прав, кто виноват.

Осень выметет приезжих,
словно с пляжей чешую
И окажется прилежней
отпускных «люблю-люблю» –

– трезвость будней,
дух полыни,
дым, летящий в вечера.
Сверху вниз с лицом пустыни глянет черная гора...

* * *

Октябрьский воздух свеж и волен –
несет дымком, и первым льдом резные
ветви колоколен застыли в лужах. Холодком
сияет просинь горней выси, и на душе спокойно так,
как будто кто-то, сдув все мысли,
с небес нам подал тихий знак – молчать
и слушать эту осень,
запомнить золото листвы,
забыть все то, о чем мы просим,
в чем мы не правы иль правы…
И ощутить себя младенцем средь облетающих берез,
и не умом понять, а сердцем,
что свят и сумрак, и мороз, уже стоящий на пороге,
И снежный сон всея земли…
Все наши страсти и тревоги – лишь ворох листьев при дороге,
где из полей – седы и строги
уходят в небо корабли.

ДЖАЗ

Прошедшая гроза,
сквозные поезда,
распахнутые настежь перегоны…
в цикадах и тоске,
как жилка на виске,
пульсируют чумазые вагоны.

От края на песке
бьет море в унисон,
подходит к снам купе,
к бегущим вдаль сортирам;
почти на волоске от слез
над черным миром
Чуть пробует две ноты саксофон…